

Для цитирования: Липская Л.А. Цикличное развитие российской истории: повторяемость политических трендов // Социум и власть. 2017. № 6 (68). С. 52–61.

УДК 327.7

ЦИКЛИЧНОЕ РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ: ПОВТОРЯЕМОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКИХ ТРЕНДОВ

Липская Лариса Алексеевна,

Уральский государственный университет физической культуры, заведующая кафедрой социально-гуманитарных наук, доктор педагогических наук, профессор,
Челябинск, Россия.
E-mail: lipskayala@mail.ru

Аннотация

В контексте волновой теории цикличности выявляются причины смены политических циклов российской истории. С позиции цивилизационного подхода прослеживается повторяемость политических трендов в рамках политических систем советского и постсоветского периодов, их зависимость от доминирующих ценностей, внутренних и внешних условий, а также способности правящей элиты и лидера адекватно отвечать на вызовы современности.

Ключевые понятия:

история,
цикл,
волны,
тренд,
вектор.

Сегодня многие ученые придерживаются мнения о том, что цикличность является фундаментальным свойством как природных, так и общественных систем. Периодически повторяющиеся циклы или колебания, элементы которых (фазы, стадии, этапы) следуют друг за другом, происходят в солнечной системе, в органическом и неорганическом мире. Наблюдается определенная синхронность изменений солнечной активности и человеческой деятельности. Учеными (И.П. Дружинин, Е.Е. Слуцкий и др.) установлена зависимость между солнечной активностью, климатическими аномалиями и неурожайностью сельскохозяйственных культур, следствием чего, как правило, становятся общественные катаклизмы. Существуют исследования о взаимосвязи цикличности солнечной активности и высокой творческой активности ученых, художников, композиторов. Наиболее плодотворное исследование в этом плане было проведено в начале XX века основателем космической биологии А.Л. Чижевским, обосновавшим синхронность цикличности истории всего человечества (войны, революции и т.п.) с резкими изменениями солнечной активности. Вместе с тем, было бы не совсем верно напрямую связывать повторяемость исторических циклов с климатическими и другими природными факторами. В отличие от биологической и природной цикличности общественное развитие всегда вариативно и имеет вероятностный характер, так как во многом зависит от воли и сознания людей, а также от экономических, технологических и других условий. Общество имеет свои законы, собственную методологию и логику развития, не predetermined заранее и имеющую множество альтернативных вариантов, определяемых свободной и разнообразной деятельностью людей. Поэтому развитие исторического процесса должно быть рассмотрено всесторонне, по возможности, более полно учитывая влияние на эту динамику как внутренних, так и внешних факторов.

Одни представители концепции цикличности трактуют процесс развития общества как круговое движение, другие – по спирали, с постоянным возвращением к исходному состоянию, с последующими новыми циклами возрождения и упадка, «от инициации до самоисчерпания». В частности, Н.С. Розов выделяет кольцевой трехактный цикл: «Стагнация» – «Кризис» – «Авторитарный откат» – «Стагнация». Спиралевидное движение предполагает сохранение накопленного предыдущего опыта с переходом на

более высокий уровень качественно нового состояния. Система повторяет политический тренд на новых витках развития, заложенный в предыдущих циклах [7]. Определенные исторические циклы можно выделить в функционировании и развитии социальной, экономической и политической системы. В.И. Пантин характеризует политический цикл как часть траектории спиралевидного движения политической системы, в начальной и конечной точках которой, система оказывается в подобных по ряду важных характеристик, но принципиально различных в эволюционном отношении состояниях, имеющих множество критических точек или целых периодов «бифуркаций» [6, с. 22–23]. Исторические циклы тесным образом взаимосвязаны и переплетены: можно наблюдать относительную корреляцию между циклами мирового, экономического, научно-технологического и либерально-демократического развития. Циклические изменения в одной из сфер общества обязательно предполагают трансформации в других сферах, оказывающих влияние друг на друга. В частности, циклические изменения в экономике влияют на политическую систему и наоборот. Если следовать марксистской теории экономического детерминизма, то в ходе каждого эволюционного цикла российской экономической системы в фазах масштабных кризисов и революций рождается новая модель экономического развития и соответствующая ей политическая модель. Однако практика показывает, что далеко не всегда смена циклов в экономике может приводить к одновременным циклическим изменениям в политике и наоборот: эти циклы могут запаздывать или опережать друг друга. При этом как в экономике, так и в политике, можно выделить различные циклы, связанные с периодом подъема, кризиса и спада. Теоретическая значимость исследования, недостаточно изученных политических циклов российской истории, заключается в том, что дает возможность глубже понять историю страны, прогнозировать некоторые важные аспекты как российского, так и мирового политического развития, по возможности предотвращать негативные сценарии. Своевременное выявление стадий и этапов, повторяющихся в истории политических циклов, позволяет определить доминирующие тенденции и вектор долгосрочного развития, учитывая краткосрочные тренды, чтобы избежать возможных просчетов во внутренней и внешней политике. Определенное значение имеет анализ особенностей конкретного этапа по-

литического цикла, в частности советского и постсоветского периодов, на основании которого можно выявить повторяемость политических трендов и воспроизводство устойчивых элементов политической системы, определяемых влиянием различных факторов, в том числе политических традиций и культуры, которым, к сожалению, не уделяется должного внимания.

В политической науке используются волнообразные представления о цикличности политического развития. Они базируются, в частности, на концепции Н.Д. Кондратьева, выделившего в качестве фаз дифференциации экономического процесса «повышательные» и «понижательные» волны. Еще в 20-е годы XX века А.М. Шлезингер-старший использовал волновую теорию для выделения циклов внутривнутриполитического развития США, включавших чередование либеральных реформ и консервативной реакции на них. Аналогичные циклы можно выделить и в политической истории России.

Большинство цикло-волновых теорий акцентируют внимание на некоторых универсальных закономерностях политического и исторического развития, таких, как повторяемость политических процессов и явлений, маятниковая динамика, поворотная точка, смена вектора развития и других. Анализ политической истории постоянно указывает на наличие конфликтов и кризисов как основного движущего начала политического цикла. Особенностью любых циклических изменений является то, что все они переживают в определенные отрезки времени периоды подъема или упадка, все они имеют определенную длительность и повторяемость предшествующего политического опыта, переходящего на качественно новый уровень развития. Ученые пытаются увидеть схожие черты в исторических циклах разных эпох и периодов, выявить повторение предшествующих политических трендов (общих долговременных тенденций) в современных условиях. Например, О.А. Жукова проводит параллели между модернизациями Петра I, реформами Александра II и политической модернизацией на рубеже XIX–XX веков [2]. Ученые выделяют в политике, наряду с «естественными» циклами смены правителей и политических элит, также и «искусственные», в частности электоральные циклы в демократических обществах, а также смену реформ и контрреформ, революций и контрреволюций, колебаний между либеральной и консервативной политикой. Так, на смену «хрущевской оттепели» пришел консервативный «брежневский застой»,

следующий цикл российской истории связан с либеральными горбачевско-ельцинскими реформами, которые сменились периодом политической стабилизации, напоминающим брежневский период своей относительной бесконфликтностью, солидарностью общества и власти. В целом, особенностью повторяющегося российского политического тренда являются попытки государственной власти проводить определенную политическую модернизацию, сменяющуюся, чаще всего, периодом застоя или откатом назад. Изменения в политике, как правило, связаны с преобразованиями в экономике. Здесь, скорее, можно говорить не о детерминации, а о взаимовлиянии. При этом политические реформы зачастую вступают в противоречие с российским консервативным менталитетом, особенностями национальных традиций, которые нередко становятся препятствием на пути радикальных преобразований. С чем, в конечном итоге, вынуждены считаться руководители российского государства. Так, на смену свободе, которую предыдущий президент считал «лучше, чем несвобода», в силу определенных обстоятельств, в том числе социокультурных, приходит ее вынужденное ограничение. Либерализация, согласно Н. Розову [7], сменяется, как правило, авторитарным откатом. Причины такой цикличности автор видит в изменении политических стратегий деятельности правителя (принуждение – охранительство) и элиты (служение – присвоение ресурсов), оставляя за скобками противоречивое влияние на этот процесс, с одной стороны, «агрессивного», а с другой – «пассивно-популярного большинства» российского народа, не готового к активному участию в управлении страной в рамках демократических процедур.

Современные исследователи предлагают различные этапы периодизации политического процесса, включая в них до 5 циклов [4, с. 11]. В. И. Пантин выделяет 6 циклов, беря за основу периодизации периоды либеральных реформ и контрреформ, начиная с царствования Александра I и заканчивая фазой перестройки, положившей начало радикальному реформированию политической системы [6]. Однако в данной и других периодизациях и моделях циклического развития политической истории России (В.В. Лапкин, В.И. Пантин, В.Т. Рязанов и др.) основное внимание уделяется циклам смены либеральных и антилиберальных реформ-контрреформ. Однако не уделяется внимание особенностям и этапам трансформации самой политической системы,

которая также претерпевает определенные изменения, нередко заканчивающиеся ее гибелью или масштабными позитивными переменами. Отличительная особенность предлагаемой автором периодизации российской политической истории в том, что с позиции системного подхода предлагается циклически-волновая концепция функционирования и изменения политической системы советского и постсоветского периодов, в которых выявляются повторяющиеся политические тренды, определяемые, в том числе, особенностями политической культуры. Данный подход к анализу цикло-волнового развития политической истории в целом, и отечественной истории в частности, ещё недостаточно разработан в плане методологии и теоретического обоснования, а также выявления ресурсных факторов (материальных и «идеальных»), прежде всего культурных, влияющих на процесс циклических изменений политической системы. Сопоставление схожих, повторяющихся трендов в функционировании политических систем советского и постсоветского периодов позволит глубже осознать и успешно разрешить ключевые проблемы, стоящие перед современным российским обществом.

Политическую историю России советского и постсоветского периодов можно представить как череду коротких циклов, воспроизводящих систему (от 3 до 10 лет), накладывающихся на длительный (примерно 70 лет) более сложный период волнообразного эволюционного развития, который приводит к необходимости ее качественных изменений и трансформации в результате изменения внутренних и внешних условий, а также постепенно накапливающихся противоречий. Автор выделяет в каждом большом политическом цикле 3 основных этапа: 1) зарождение и развитие новой политической системы; 2) ее «застой» (предкризисное состояние) и кризис; 3) упадок (деградация) и гибель (или кардинальная позитивная перестройка). В самом общем виде на протяжении большого цикла наблюдается модернизация новой политической системы, происходит постоянная смена равновесного состояния и частных кризисов ее подсистем (парламентский, правительственный и т. п.). Они могут завершиться общесистемным кризисом, который сопровождается обострением социально-политических противоречий, конфликтами, классовой, внутриэлитной, межнациональной и идейной борьбой, деградацией политических и других институтов, неудачами и провалами во внутренней и внешней

политике. В ходе развития политической системы осуществляются определенные изменения и трансформации, происходит смена концепции политических реформ, повышательных волн (либерально-демократических) на понижительные (консервативно-авторитарные), обусловленная разными причинами (экономическими, идеологическими, внутри- и внешнеполитическими, а также культурными). Временный «откат» от демократизации и либерального курса (в условиях сужения ресурсной базы), согласно С. Хантингтону, обеспечивает в дальнейшем новое качество функционирования демократических институтов. Как нам представляется, это характерно не только для западных политических систем с развитой демократией, но и для российской политической модернизации. Она находится на начальном этапе перехода от авторитарного к демократическому развитию, еще не достигшему глубокого политического кризиса, требующего коренных изменений политической системы. Системный политический кризис отличается от повторяющихся функциональных кризисов структур власти, которые, как правило, завершаются сменой руководства или политического курса (перехода от либеральных реформ к контрреформам), обеспечивающих устойчивость системы и снятие социально-политических противоречий. О неэффективном функционировании политической системы или кризисе свидетельствует ее неспособность адекватно отвечать на вызовы окружающей среды. Это проявляется в конкретных социально-экономических (борьба за ресурсы, обособление интересов разных групп, недовольство «низов») и политических процессах (социально-политическая нестабильность, внутриэлитный конфликт, недееспособность «верхов» и другие противоречия), которые нередко повторяются в той или иной форме, но не всегда своевременно замечаются и разрешаются. Все это требует более пристального системно-исторического анализа политических циклов советского и постсоветского периодов для быстрого и адекватного реагирования на «удары (шоки) будущего», предотвращения революционных сценариев политической модернизации.

Необходимо учесть и не повторять ошибок негативного опыта трансформации советской политической системы, неудачных попыток ее либерального реформирования, завершившихся системным кризисом, когда все более усиливались внешне незаметные противоречия между элементами системы

и ее структурой, превратившиеся в тормоз ее развития. О проявлениях предкризисного состояния свидетельствует появление таких элементов «антисистемы», отчасти наблюдающихся и в последнее время, как рост бюрократического аппарата, протекционизм, коррупция, двойная мораль, рост оппозиционных настроений, ужесточение наказаний, рост преступности и теневой экономики, неспособность власти выполнить взятые обещания по повышению уровня жизни населения. Сегодня определенная часть политической и экономической элиты пытается актуализировать идеи новой перестройки, солидаризируясь с горбачевскими реформами, которые оказались безуспешным ответом на требования изменений политической системы, стремлением улучшить неэффективное государственное управление, преодолеть экстенсивные факторы экономического развития, решить накопившиеся социально-экономические проблемы. Несмотря на определенное сходство, отличие советской политической системы от современной заключается в том, что она требовала не перестройки, а кардинального изменения ее системных оснований. Об этом свидетельствовало отчуждение общества и власти, разочарование многих советских граждан в коммунистических идеалах, нарастание социальной апатии, замедление темпов экономического роста, отставание от развитых стран, обострение национальных конфликтов, эскалация стихийных форм массового протеста. Переживаемые в настоящее время социально-экономические трудности, дестабилизация внешнеполитической обстановки, имплицитные противоречия внутри правящей элиты, между центром и регионами могут в дальнейшем привести к обострению ситуации в стране, напоминая перестроечный сценарий первой политической модернизации. Не отрицая необходимости определенных социально-экономических и политических преобразований, важно учесть уроки прошлого, чтобы в будущем избежать повторения трагических августовских событий 1991 года, закончившихся, в конечном итоге, гибелью государства.

Незавершившаяся политическая трансформация российского общества в период гайдаровско-ельцинских реформ, положившая начало становлению новой демократической политической системы, не привела к существенным изменениям, в ней сохраняются прежние «стабилизирующие элементы» в виде правящей партии и харизматичного лидера, которые обусловлены способнос-

тью политической модели к восстановлению и легитимации в несколько модифицированном варианте. Можно наблюдать дальнейшее спиралевидное, циклически-волновое развитие российской истории, периодические политические кризисы, в большей степени связанные не столько с кардинальным изменением курса и стратегии развития страны, сколько со сменой лидеров и политических элит. Сегодня, как и в перестроечный период, нарастает борьба между властью и оппозицией, всплывают скрытые конфликты внутри правящей элиты (между государственниками и либералами), звучат призывы отказаться от сложившейся политической модели «одной правящей партии», предлагается создать более конкурентную двухпартийную систему. Периодически повторяющийся политический тренд проявляется в «приливах» либерально-демократических устроений и преобразований, сменяющихся консервативно-авторитарными «откатами». Как и раньше, происходит смена либеральных реформ и контрреформ: на смену ельцинской «свободы сколько хотите» или медведевской «свобода лучше, чем несвобода» приходит усиление властной вертикали и регламентации общественной жизни, с возвратами к «рудиментам» прежней авторитарной системы. Усиливается государственный контроль над духовной жизнью общества, наблюдаются проявления иницируемой снизу агрессии и ненависти в отношении всего враждебного, другого (оппозиции, «иностранных агентов», аморальных и других личностей, оскорбляющих чувства верующих, различных «нежелательных структур»). Репрессивное ядро российской политической культуры периодически воспроизводится и расширяется в направлении нетерпимости к «враждебным» элементам в стране или за ее пределами, в зависимости от обострения внутренней или международной обстановки. Причем аналогичные процессы в условиях усиления международной напряженности и эскалации конфронтации, угрозы терроризма и экстремизма наблюдаются не только в нашей стране. Антилиберальные контрреформы наблюдаются и на Западе, прежде всего в США, где поощряется русофобия, усиливается контроль спецслужб за киберпространством, интернет-пользователями и мигрантами, а «Большой брат» постоянно следит за вами, опираясь на программу «тотальной информационной осведомленности». Как в России, так и в США можно наблюдать истоки кризисного периода, который не носит пока

системного характера. Здесь накладываются социально-политический и экономический кризисы, усиление международной конкуренции, внешнеполитических противоречий, попытки сохранить статус сверхдержав и доминировать на международной арене. По накалу обострившейся борьбы с западными государствами и, прежде всего с США, сегодняшняя «торговая война» по каким-то «характерным особенностям» напоминает период холодной войны. Стремление России занять лидирующие позиции в мире, как это было в эпоху СССР, также привело к экономическим санкциям, как ответной меры США на сдерживание якобы «российской экспансионистской угрозы» и «подрывной деятельности». К сожалению, первую холодную войну, несмотря на огромный ресурсный и мобилизационный потенциал, СССР проиграл в результате либерально-уступчивой и разрушительной горбачевской модели, которая оказалась еще менее эффективной, чем предыдущая тоталитарная система, сумевшая достаточно успешно конкурировать с Западом. Сегодня, как и в советский позднебрежневский период, Россия демонстрирует выдержку в отношении недружественных действий Запада, занимая, сдержанную и прагматичную внешнеполитическую позицию, свидетельствующую, с одной стороны, о стремлении к разрядке международной напряженности, а с другой – о нежелании «поступиться национальными интересами». Удастся ли российскому руководству в будущем избежать системного политического кризиса, преодолеть внутренние и внешние противоречия, будет во многом зависеть от взвешенной и конструктивной политики нового лидера страны и его команды, которая придет к власти после 2024 года. История показывает, что новый политический цикл начинается, как правило, при смене главы государства.

Для лучшего понимания причин повторения политических трендов в современной российской истории можно использовать также экономические теории цикличности (К. Маркса, И. Фишера, Р. Хоутри, К. Перес-Перес, Й. Миллендорфера и др.), которые могут оказывать влияние и на политическую модернизацию. Однако их характерной особенностью является односторонность в объяснении цикличности каким-то одним главным фактором, являющимся источником колебаний и влияющим на общество в целом, или его отдельные сферы. На наш взгляд, в настоящее время на характер современного российского политического цикла оказывает влияние комплекс факторов

как внутренних, так и внешних: продолжающаяся монополизация экономики и плохой инвестиционный климат, низкие темпы экономического роста и научно-технического перевооружения, внешнеполитическая напряженность и изоляция.

Одной из причин, оказывающих влияние на политические циклы, является уровень развития и исторические изменения культуры общества, в том числе политической. К сожалению, взаимосвязь и взаимодействие политики и культуры, в плане цикличности исторического развития, недостаточно изучена. Поэтому определенная новизна данного исследования заключается в изучении волн культурного развития, оказавших влияние на политические циклы российской политической истории советского и постсоветского периодов. С определенными ограничениями к анализу цикло-волновой динамики российского общества может быть применен цивилизационный подход, который позволяет выявить взаимовлияние политики и культуры. Согласно данному подходу человеческое общество развивается в виде нескольких не похожих друг на друга культур (цивилизаций), имеющих свой культурный код, свою «матрицу». В частности, предложенная немецким философом О. Шпенглером в книге «Закат Европы» культурологическая циклическая теория объясняет политику культурой, которая имеет свои особенности (свою «душу») и проходит определенные фазы развития (юность, расцвет, упадок). [8, с. 239]. Российскую политическую культуру отличает от западноевропейской то, что на протяжении столетий в ней преобладали патриархально-подданнические черты, с одной стороны, и бунтарский дух – с другой. В целом, в развитии российской политической культуры можно проследить чередование циклов, связанных с преобладанием элементов активности (бунтарства), переходящих в апатию (безразличие) или пассивность (покорность), определяющих противоречивой сутью русского народа, которого Н. Бердяев охарактеризовал как «государственно-деспотический и анархически-свободолюбивый». Однако стремление к свободе вовсе не означало умение ею пользоваться и желание участвовать в демократических процедурах. Неприятие большей частью русского общества ценностей активистской демократической культуры можно объяснить особенностями нашего менталитета, основанного на принципах государственного патернализма и коллективизма, холопской психологии и

мифологизации сознания, справедливости и уравнительности, сакральности власти, ее закрытости и несменяемости. Постоянный возврат к авторитарно-консервативной политической парадигме можно объяснить устойчивостью культурных традиций и российского менталитета, воспроизводством «сервильных» политических отношений, когда «люди холопского звания» относятся к государственной власти как своему господину, для которых «чем тяжелей наказание, тем им милей господа». Народ всегда рассматривался как объект власти, неспособный контролировать государство и воспринимать себя как часть властно-центричной политической системы. В свою очередь политическая элита по большей части воспринимала государство как «власть-собственность» (В.П. Макаренко) или же как «власть-насилие» (Ю.С. Пивоваров). Культурный код («самодержавие», православие, нравы «города Глупова», покорная психология, укорененная в привычках, образе жизни и стереотипах поведения) постоянно повторялся в нашем государстве, препятствуя установлению в России конституционного строя и правового государства.

В то же время ряд ученых (А.А. Лукин, П.В. Лукин) отмечает, что древние культурные традиции, сохраняясь длительное время, «вряд ли способны предопределять характер современной политической культуры или даже влиять на нее» [5, с. 152–153]. В какой-то степени с мнением авторов серьезного исторического исследования постсоветской политической культуры можно согласиться. Однако практика и другие исследования показывают, что у значительной части российского общества до сих пор не изжиты рудименты авторитаризма, хотя и наблюдаются ростки демократической культуры участия среди представителей так называемого «креативного класса».

Для лучшего понимания культурологических изменений, влияющих на смену политических циклов, может быть использована концепция русского мыслителя Николая Данилевского [8, с. 51], по мнению которого цивилизации могут воздействовать друг на друга посредством «прививки», что и произошло с нами в эпоху петровских и ельцинских реформ, когда насильственно насаждался западноевропейский путь развития. С этого времени в нашем обществе существуют «два враждебных склада и направления», как говорил В.О. Ключевский, «разделивших силы русского общества и обративших их на борьбу друг с другом». На протяжении последних веков у нас чет-

ко прослеживаются два основных повторяющихся цикла, сменяющих друг друга вектора развития: либеральный западно-ориентированный и традиционно-консервативный (ориентированный не столько на идеологию западных консерваторов, сколько на собственные политические ценности). Даже в советский период можно проследить чередование этих политических трендов в плане преобладания консервативно-охранительных тенденций с ориентацией на собственные силы, или расширения контактов с Западом, свидетельствующих об определенной открытости и либерализации режима. Как отмечает Н. Розов, либеральные реформы в России не были успешными, за ними, как правило, следовали острые конфликты, кризисы и недовольство населения [7]. После политического кризиса на смену либерализму вновь приходили условные консервативно-стабилизаторы с видоизмененной идеологической окраской. Разделительной чертой, своеобразным волнорезом, означающим завершение, например, неудачного либерального цикла или его кризис, выступали также радикальные течения (декабристы, революционные народники, большевики или современные экстремисты). Либо предпринимались попытки прихода к власти реакционных сил («гэкачеписты», националисты и т.п.).

В качестве повторяющихся политических трендов можно выделить периоды рубежа 50–60-х годов XIX века и конца 80-х – начала 90-х годов века XX, для которых была характерна настроенность определенной части политической элиты и российского общества на западные либеральные ценности. Современные сторонники западной ориентации, также как и «западники» предшествующей эпохи (Н.Д. Кавелин, Б.И. Чичерин и др.), требовали конституционных преобразований, расширения гражданских прав и свобод, невмешательства государства в хозяйственную деятельность. Многие из этих идей были востребованы в постперестроечный период на волне политической модернизации и «шоковых» экономических реформ, сопровождавших определенными сдвигами в культуре российского общества. Наблюдающаяся культурная диффузия начала 90-х годов свидетельствовала о том, что российская культура заимствовала многие западные, не самые лучшие, культурные образцы. Особенно отчетливо, в том числе среди политической элиты, наблюдались проявления индивидуализма, эгоцентризма, прагматизма и утилитаризма, оказавшие определенное воздействие на стиль полити-

ческой жизни. И в экономике, и в политике доминировали не общенациональные, а эгоистические частные и клановые интересы. Правда, либеральные реформы, которые, как всегда в нашей истории, начинались сверху, в основном ограничились экономической сферой, где свобода граничила с вседозволенностью, с «узаконенным беззаконием». Прививка западных либерально-демократических политических ценностей в результате очередной принудительной «вестернизации», не учитывающей особенностей российской цивилизационной традиции, успехом не увенчалась. Тщетными оказались усилия либералов ельцинской эпохи и по «экспорту демократии»: у большинства населения не стали популярными идеи политического плюрализма, толерантности, демократических выборов, прав и свобод граждан, предпочитавших голосовать «не умом, а сердцем». В условиях непопулярных «шоковых» экономических реформ «низы», привыкшие к патерналистской роли государства, не были готовы рисковать, проявлять инициативу, нести бремя политической ответственности и свободы. «Верхи», осуществлявшие бесконтрольную «дикую» приватизацию, также не были заинтересованы в демократических преобразованиях: они не хотели контроля со стороны общества. Представители либеральной интеллигенции с идеями политических прав и свобод так же, как в свое время декабристы, оказались слишком далеки от обнищавшего народа, которого в первую очередь интересовали право на жизнь (достойное существование) и безопасность. Социально-экономический и политический кризис 1993 года в чем-то напоминал по накалу внутриэлитной борьбы, противостоянию главы государства и оппозиции, их неспособности найти компромисс, кризисные события февраля 1917 года, закончившиеся, в конечном, итоге революционным насилием. Учитывая трагический для страны исторический опыт радикальных преобразований начала XX века, отцы основатели последней российской Конституции заложили в нее определенное стабилизирующее основание, законодательно закрепив перевес сил в сторону президентской власти, по сравнению с парламентом. К сожалению, даже это обстоятельство, при все более утрачивающем популярность и слабеющем политическом лидере, не смогло предотвратить в конце 90-х годов социально-политические конфликты, войну в Чечне и войну законов. В условиях намечавшегося развала страны российское государство в очередной раз нуждалась в идеологических и полити-

ческих подпорках, в качестве которых выступила укрепившаяся властная вертикаль с расширившимися полномочиями сильного и уверенного в себе президента, умеющего отстаивать национальные интересы.

Начавшийся в 2000-е годы политический цикл был также связан с политико-культурной переориентацией в сторону традиционных консервативных ценностей (крепкая семья, церковь, мораль, сильное государство), отвечавших настроениям общества. В стране вновь наблюдался феномен культурного ренессанса: колебание маятника в очередной раз сместилось от либерального в сторону консервативного мышления [3]. Правящая партия, дабы избежать намечавшегося идейного раскола в обществе, взяла за основу идеологию «социального консерватизма», умело используя нравственный потенциал православия и идею национального единства в возрождении духовных скреп общества. События последнего времени, связанные с усилением роли православной церкви в политической жизни страны, подтверждают предвидение Данилевского о том, что России предстоит достигнуть особого развития в религиозной сфере. Христианские православные ценности становятся сегодня в один ряд с патриотизмом, который официально объявлен национальной идеологией, а чуждые западные либеральные ценности (с пропагандой свободной любви, однополыми браками и т.п.) подвергаются остракизму. Н. Розов считает, что маятниковая динамика российского общества определяется неустойчивой идентичностью элит и населения, предпочитающих то либеральные, то консервативные ценности [7]. Скорее всего, наоборот, устойчивость консервативных патерналистско-подданических стереотипов большей части населения России препятствует либеральным реформам политической и экономической элиты, заинтересованной в сокращении контролирующей и регулирующей роли государства, увеличении прибыли за счет минимизации социальных государственных расходов. Определенную роль в смене политико-идеологических стратегий играет и экономический фактор, а также международная обстановка. В «тучные» нефтедолларовые годы не было необходимости «закручивать гайки» и усиливать госрегулирование. Наблюдалась определенная внутривластная и экономическая либерализация: были уменьшены налоги, расширены права местного самоуправления и возвращены выборы губернаторов. Вступление России в полосу экономических

кризисов символизировало отказ политической элиты от либеральных ценностей как в экономике, так и в политике. Начались разборки с «нерадивыми», удаленными от власти бизнесменами, посадки губернаторов и либеральных министров, усилилась внутривластная борьба.

Обострились политические противоречия между США, Европой и Россией, которые ряд ученых также объясняют тем, что мы отошли от западных либеральных ценностей и у нас вновь возобладал «великодержавный дух». Это еще раз подтверждает тезис сторонников цивилизационного подхода о том, что Россия – это не западная цивилизация, что у нас «особый путь развития», своя «суверенная демократия, свой национальный «имперский консерватизм» (И. Клямкин). Существует и другое мнение, согласно которому движение по спирали консерватизма начинает тормозиться (Л.Г. Бызов) и, достигнув своего предела, в ближайшее время закончится, и маятник вновь сместится в сторону либерализма (В. Соловей) [1, с. 5]. Представляется, что данный прогноз вряд ли подтвердится. Для этого необходимо в ближайшее время «перезагрузить матрицу», кардинально изменить ценностно-символическое ядро российского народа, которое, как показывают все последние выборы в Госдуму, базируется на идеях гражданской идентичности, державности и патриотизма, являющихся политической доктриной правящей партии «Единая Россия». Сохраняется политический тренд – надежда на «сильную руку» нынешнего президента, которого, как показывают опросы, поддерживает большинство российских граждан. Нынешняя политическая и экономическая элита, вынужденная играть по принятым правилам и демонстрировать лояльность режиму, также не может открыто демонстрировать либеральные политические предпочтения. Прозападно-ориентированная либеральная оппозиция, хотя и набирает очки на антикоррупционных митингах, по-прежнему составляет маргинальное меньшинство. Противоречивость и разнонаправленность ценностных ориентаций разных социальных групп и элит является одной из причин повторяющихся политических конфликтов российской истории. Некоторые политологи прогнозируют, что наблюдающийся в последнее время бунтарско-митинговый период, начавшийся на Болотной и продолженный митингами интрнет-активных «навальнят», скорее всего, также безуспешно завершится апатичным временем, когда вновь возобладают

мнение «ничего не изменишь» пассивно-покорного большинства.

Речь, вероятно, может идти о гибридной либерально-консервативной модели (относительная либерализация экономики при сильной власти), уменьшении роли государственного регулирования в перераспределении материальных благ и сокращение социальных расходов. Скорее всего, в условиях внешней угрозы международного терроризма и внешнеполитического изоляционизма, вызванного ужесточением экономических санкций со стороны Запада, у нас сохранится консервативный тренд, который на длительное время станет социокультурным кодом России. Вместе с тем, важно найти золотую середину между «тотальным консерватизмом» и деструктивным «олигархическим экономическим либерализмом», обуславливающим основное противоречие современного периода и вызывающим не только идеологическое, но и социально-экономическое противостояние, связанное с резким социальным расслоением и сосредоточением большей части собственности в руках наименьшей части населения.

Для раскрытия причин циклических изменений представляет интерес цивилизационный подход А. Тойнби [8, с. 178], согласно которому смена политических циклов происходит в результате серии Ответов (решение возникающих проблем), даваемых «творческим меньшинством» на те Вызовы, которые бросает ему умеренно неблагоприятная природная и социальная среда. Ответом на Вызов является новый акт культурно-исторического и политического созидания, во многом обусловленный активностью творческого меньшинства (политической элиты). Можно добавить, что адекватность и успешность Ответа во многом зависит также и от политического лидера.

Особенности тех или иных политических циклов российской истории взаимосвязаны с циклическими изменениями государственной власти. Периоды сильного государства, способного обеспечить гражданский мир и порядок, сменялись периодами слабой государственной власти, сопровождающимися социальными конфликтами, гражданскими войнами и революциями. Руководители российского государства всегда были главными субъектами политики. В отличие от США, где возможно реальное ограничение функций и деятельности исполнительной власти парламентом, российские лидеры не «встраивались в политическую систему», а предпочитали переделывать ее под себя, при этом далеко не всегда успешно. Слабость и

недееспособность, а иногда и деградация центральной власти, являлась одной из причин утраты страной самостоятельности и независимости либо развала страны, а также приводила к кардинальной перестройке политической системы. Тяжелым для России временем, связанным с обнищанием народа, массовыми выступлениями и восстаниями, считается правление таких непопулярных и слабых руководителей российского государства, как цари Василий Шуйский и Николай II, премьер-министр Временного правительства А. Керенский, президент М. Горбачев, которые оказались неспособны преодолеть политический кризис и навести порядок в стране. В России были популярны сильные и жестокие авторитарные правители: Иван Грозный, Петр I, Сталин. Нынешние руководители государства считают, что действующий в настоящее время конституционный принцип о сильной президентской власти в стране также «соответствует потребностям общества». Его реализация при авторитетном и достаточно харизматичном политическом лидере государства может сохранить на определенный период политическую стабильность. Сменившие политическую идеологию «Крымнаш» образы безнравственного и недружественного «Запада-врага», требующие мобилизации сил и ресурсов, могут на определенное время консолидировать различные социальные группы. Однако наблюдающееся социальное расслоение и неравенство, «синдром униженности» и жажда справедливости требуют и других механизмов, сплачивающих общество. Для идеологически и социально расколотого общества нужны более глобальные не только идеи, но и результаты социально-экономических и политических реформ, необходима объединяющая культура, базовый набор интегрирующих гуманистических ценностей.

В последнее время Россия переживает очередной военно-политический, научно-технологический, либерально-демократический и информационно-пропагандистский Вызов со стороны Западных государств. Остается надеяться, что он не завершится так же, как революционные Вызовы 1917 и 1991 годов, когда политическая элита оказалась неспособной адекватно ответить на внутренние и внешние Вызовы западной цивилизации, что привело к краху российской государственности. Сумеет ли нынешняя правящая элита выработать эффективный Ответ, решив наиболее острые социально-экономические и внешнеполитические проблемы, сохранив при этом

целостность политической системы, будет во многом зависеть от ее творческого начала, ответственности за принимаемые решения, ее ориентации на общенациональные интересы, а также от лидера государства, который придет к власти в 2024 году. С этого периода, возможно, начнется новый политический цикл, связанный с исчерпанием ресурсов либеральной монетаристской экономической модели, которая противоречит провозглашенному социально-консервативному этактистскому тренду.

1. Бызов Л. Г. Ценностная трансформация российского общества на фоне социально-политического кризиса и посткрымского синдрома // *Общественные науки и современность*. 2016. № 6. С. 5–20.

2. Жукова О. А. Избранные работы по философии культуры. Культурный капитал. Русская культура и социальные практики современной России. М.: Согласие, 2014. 536 с.

3. Липская Л. А. Духовно-нравственная эволюция российского общества // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2015. № 19 (374). С. 132–138.

4. Логинов А.В. Теория политического цикла как методологическая основа для исследования политического процесса // *Общественные науки. Политика и право*. 2011. № 4 (20). С. 9–19.

5. Лукин А.А., Лукин П.В. Умом Россию понимать: постсоветская политическая культура и отечественная история. М.: Весь мир, 2015. 384 с.

6. Пантин В.И. Волны и циклы социального развития: цивилизационная динамика и процессы модернизации. М.: Наука, 2004. 289 с.

7. Розов Н.С. Цикличность российской политической истории как болезнь: возможно ли выздоровление? // *Полис. Политические исследования*. 2006. № 3. С. 8–28.

8. Суханов К.Н., Чупров А.С. Знаменитые философы XIX–XX веков: очерки идей и библиографий. Челябинск: Околица, 2001. 256 с.

References

1. Byzov L. G. (2016) *Obshhestvennye nauki i sovremennost'*, no. 6, pp. 5–20 [in Rus].

2. Zhukova O.A. (2014) *Izbrannye raboty po filosofii kul'tury. Kul'turnyj kapital. Russkaja kul'tura i social'nye praktiki sovremennoj Rossii*. Moscow, Soglasie, 536 p. [in Rus].

3. Lipskaja L.A. (2015) *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 19 (374), pp. 132–138 [in Rus].

4. Loginov A.V. (2011) *Obshhestvennye nauki. Politika i pravo*, no. 4 (20), pp. 9–19 [in Rus].

5. Lukin A.A., Lukin P.V. (2015) *Umom Rossiju ponimat': postsovetskaja politicheskaja kul'tura i otechestvennaja istorija*. Moscow, Ves' mir, 384 p. [in Rus].

6. Pantin V.I. (2004) *Volny i cikly social'nogo razvitija: Civilizacionnaja dinamika i processy modernizacii*. Moscow, Nauka, 289 p. [in Rus].

7. Rozov N.S. (2006) *Polis. Politicheskie issledovaniya*, no. 3, pp. 8–28 [in Rus].

8. Suhanov K.N., Chuprov A.S. (2001) *Znamenitye filosoffy XIX–XX vekov: ocherki idej i bibliografij*. Cheljabinsk, Okolica, 256 p. [in Rus].

For citing: Lipskaya L.A.

Cyclic development of the Russian history: recurrence of political trends // *Socium i vlast*. 2017. № 6 (68). P. 52–61.

UDC 327.7

CYCLIC DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN HISTORY: RECURRENCE OF POLITICAL TRENDS

Lipskaya Larisa Alekseevna,

Ural State University of Physical Culture, Head of the Department Chair of Social Sciences and the Humanities, Doctor of Education, Professor, Chelyabinsk, Russia.
E-mail lipskayala@mail.ru

Annotation

In the context of the wave theory of cyclicity the author points out the causes of political cycles changing in the Russian history. From the viewpoint of civilizational approach there can be observed recurrence of political trends in the framework of political systems during Soviet and post-Soviet periods, their dependence on dominating values, inner and outer conditions, and also abilities of the ruling elite and the leader to meet the challenges of modern times adequately.

Key concepts:

history,
cycle,
waves,
trend,
vector.